

Окорокова А.С.,
*магистрант кафедры социальной антропологии
и этнонациональных процессов,
Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева*

Амбивалентность танатологических фобий и способы их преодоления

В рамках данной статьи речь идет о неоднозначности и противоречивости понимания смерти и связанных с ней фобий. Рассматривается теория первичности врожденного инстинкта самосохранения и альтернативные ей концепции «естественного влечения к смерти». Наряду с этими вопросами, уделяется внимание специфике проявления страха смерти в различных культурах, а также описанию способов противостояния этому страху. В качестве примеров мы берем первобытную культуру, древнегреческую философию, религию христианства и общие тенденции, свойственные современному обществу. Выводы делаются на основе противопоставления традиционных способов преодоления страха смерти с современными подходами к данной проблеме.

Ключевые слова: *смерть, страх смерти, некрофобия, умирание, похороны, загробная жизнь, символ, ритуал, религия, культура, традиция, философия, христианство, современность.*

Okorokova A.S.,
*Master's student of the Department of Social Anthropology
and Ethnic Processes,
Orel State University named after I.S. Turgenev*

Ambivalence of thanatological phobias and ways to overcome them

Within the framework of this article, we are talking about the ambiguity and inconsistency of understanding death and related phobias. The article considers the theory of the primacy of the innate instinct of self-preservation and alternative concepts of the "natural death drive". Along with these questions, attention is paid to the specifics of the manifestation of the fear of death in different cultures, as well as to the description of ways to resist this fear. As examples, we take primitive culture, ancient Greek philosophy, the religion of Christianity, and the general trends inherent in modern society. The conclusions are drawn on the basis of contrasting traditional ways of overcoming the fear of death with modern approaches to this problem.

Keywords: *death, fear of death, necrophobia, dying, funeral, afterlife, symbol, ritual, religion, culture, tradition, philosophy, Christianity, modernity.*

Самый трудноразрешимый комплекс проблем, как правило, напрямую касается извечных философских вопросов, постановка которых исчисляется

тысячелетиями, но на них так и не находится однозначных универсальных ответов. Эта особенность, в большей мере, относится к танатологической проблематике. Утверждение, что смерть является величайшей тайной, достаточно тривиально, но не безосновательно. С точки зрения науки, смерти дается вполне конкретное определение: это прекращение функционирования организма и его последующий распад. Однако такое понимание смерти сугубо физиологично и, следовательно, ограничено. Человек представляет собой довольно сложную организацию, далеко выходящую за рамки биологического существования. Когда мы входим в сферы психического и духовного бытия человека, то с изучением феномена смерти возникает множество проблем. Эти проблемы можно свести к одному извечному вопросу: является ли смерть абсолютным концом или же она есть некий переход в иной способ бытия? Если в качестве ответа мы выбираем альтернативу концу, то перед нами открывается новый спектр вопросов относительно конкретики потустороннего продолжения жизни. Принципиальная неизвестность посмертного существования в союзе с осознанием фатальной неотвратимости разрушающегося тела как правило наводят ужас на саморефлексирующее сознание. В рамках данной статьи мы затронем проблему страха смерти и рассмотрим некоторые способы его преодоления на примерах первобытной культуры, древнегреческой философии, религии христианства и общих тенденциях, свойственных современному обществу.

Многие исследователи сходятся на том, что чувство страха определено первобытным, животным инстинктом самосохранения. Он закреплялся на генетическом уровне в процессе эволюции, и именно этот факт способствовал выживанию и развитию живых организмов. Такой вывод делается на основе многочисленных примеров, которые мы можем наблюдать в живой природе. Животные, не осознавая факта своей смертности, повинувшись инстинкту, пытаются избежать ее любыми способами (убегают, увеличиваются в размерах, выделяют сильнодействующие яды, имеют предупреждающую окраску). Когда мы пытаемся разобраться с генезисом страха смерти у человека, то, как правило, приходим к выводу о том, что в его основе лежит тот самый инстинкт выживания или, как его еще можно назвать, – «воля к жизни». Очевидность этого факта трудно ставить под сомнение. Тем не менее существует ряд альтернативных концепций.

Еще в начале XX в. З. Фрейдом разрабатывается теория «влечения к смерти», сформулированная в работе «По ту сторону принципа удовольствия» [Фрейд, 2016]. В более ранних работах Фрейда поведение определялось принципом удовольствия, но, исследуя проблемы самоубийств, мазохизма, агрессивности и нарциссизма, основатель психоанализа столкнулся с рядом противоречий, а его исследовательский интерес был перенаправлен к теме смерти. Структура психики, по Фрейду, зиждется на антагонизме двух принципов – это Эрос (либидо) и Танатос (мортидо), в основе которых лежат биологические процессы анаболизма и катаболизма. При этом инстинкт к удовольствию находится в подчинении у инстинкта смерти, так как все живое возникло из неорганического состояния и стремится вернуться к своему

началу. Фрейд пишет: «...целью всякой жизни является смерть, и, наоборот, неживое было раньше, чем живое» [Фрейд, 2016]. Здесь работает принцип навязчивых повторений, который Фрейд выводит из своей психиатрической практики и данных биологической науки: «...все влечения стремятся восстановить прежнее состояние» [Фрейд, 2016]. Пытаясь свести на нет противоречие между наблюдаемым инстинктом самосохранения и скрытым в глубинах бессознательного инстинктом смерти, он допускает, что некогда совершенно неведомым способом неорганическая материя приобрела свойства живого. Это состояние было недолговременным, и естественное влечение вернуться к своему началу легко удовлетворялось: «...пока внешние, определяющие причины не изменились настолько, что принуждали оставшуюся в живых субстанцию ко все большим отклонениям от первоначального жизненного пути и к более сложным окольным путям для достижения цели – смерти». Все это происходило для того, – объясняет Фрейд, – «чтобы обеспечить организму собственный путь к смерти и избежать всех других возможностей возвращения к неорганическому состоянию, кроме имманентных ему» [Фрейд, 2016].

Исследования Фрейда в области моральных влечений нельзя назвать новаторскими, так как интерес к этой проблеме проявлялся у ряда философов и ученых. Однако именно Фрейду удалось соединить и оформить разрозненные предположения и исследования в единую теорию.

На территории Российской империи незадолго до Фрейда известным ученым И.И. Мечниковым были выдвинуты похожие идеи относительно естественности для живого инстинкта к смерти. Наблюдая за жизнью простейших организмов, способных к бесконечному делению, и сравнивая их с более сложными биологическими объектами (включая человека), которым свойственна тенденция к увяданию, он задается вопросом о причинах старения и смерти. В процессе поисков решения данной проблемы ученый сделал большой вклад в развитие медицины, и его по праву считают основателем научной геронтологии, а сторонники продления жизни отмечают день его рождения как «День Мечникова». Нам же сейчас интересны выводы, к которым приходит ученый относительно страха смерти. Мечников считает, что этот страх не естественен и вносит дисгармонию в человеческое существование. Это связано с тем, что нормальному желанию перейти в небытие препятствует кратковременность человеческой жизни. Мечников пишет: «Величайший разлад человеческой природы заключается в патологической старости и в невозможности дожить до инстинкта естественной смерти» [Мечников, 1961: 233]. Также он отмечает: «Если бы цикл жизни людской следовал своему идеальному, физиологическому ходу, то инстинкт естественной смерти появлялся бы своевременно – после нормальной жизни и здоровой, продолжительной старости» [Мечников, 1961: 231].

Решение проблемы, связанной с преодолением страха смерти, по Мечникову, лежит в будущем, когда при помощи науки станет возможным продление человеческой жизни в активном состоянии и механизмы влечения

к смерти будут включены естественным образом. По мнению Мечникова, при таких условиях ожидание конца и сам процесс умирания будет не только безболезненным, но даже приятным. «Вероятно, этот инстинкт должен сопровождаться чудным ощущением, лучшим, чем все другие ощущения, которые мы способны испытывать», – заключает ученый [Мечников, 1961: 231].

На примере теорий Фрейда и Мечникова мы видим, что попытка объяснить страх смерти врожденным инстинктом самосохранения не универсальна и оставляет проблему генезиса мортальных страхов открытой для дальнейших исследований.

Если мы говорили о биопсихических основаниях танатологических фобий, то с той же необходимостью стоит вести разговор о социокультурном проявлении данного феномена и трансформации способов его преодоления.

Наиболее ранней культурной формой, отражающей страх смерти, выступает феномен некрофобии. Предположительно, это явление было свойственно уже первобытным людям и даже, вероятно, другим гоминидам. Так, например, мустьерские погребения среднего палеолита указывают на наличие особого отношения к умершему, которое не характерно для животных и, следовательно, выходит за рамки врожденных инстинктов. Ведутся многочисленные дискуссии по поводу объяснения подобных артефактов [Токарев, 1990: 161]. Одной из версий как раз является гипотеза о чувстве страха или неприязни, которое вызывало мертвое тело. Но еще раз отметим, что это предположение остается пока только гипотезой.

Если попытки объяснить подобные находки боязнью мертвецов достаточно предположительны, то при исследовании более поздних периодов явление некрофобии вырисовывается отчетливее. Использование этнографических наблюдений в совокупности с археологическими данными дали определенные результаты. Например, Фрезер описывает сложные системы табуирования, налагаемые на взаимодействие не только с умершим, но и теми, кто имел несчастье соприкоснуться с трупом в силу необходимости. Подобным образом обстояли дела у народа маори. Фрезер по этому поводу пишет: «...всякий, кто имел дело с мертвецом, оказывался почти в полной изоляции от окружающих. Он не мог ни войти в дом, ни вступить в контакт с тем или иным лицом, ни прикоснуться к какому-либо предмету без того, чтобы не навести на него порчу» [Фрезер, 2017: 225]. Запрет налагался даже на прикосновение к пище, поэтому бедняге приходилось есть с земли со сложенными за спиной руками или пользоваться услугами другого человека, который подвергался похожим запретам. Эти предписания касались и родственников покойного, особенно вдов и вдовцов. Данные лица, согласно поверьям, длительное время находились в особой опасности, которая исходила от души умершего и сами являлись источником неприятностей для окружающих. Фрезер пишет: «Мимо людей в трауре не пройдет ни один охотник, так как считается, что они приносят несчастье. Даже тот, на кого упадет их тень, сразу же почувствует себя дурно» [Фрезер, 2017: 227]. Такое поверье объяснялось тем, что призрак умершего всячески пытался навредить

оставшемуся в живых родственнику, «... души умерших зловредны и единственную радость находят в том, чтобы вредить живым» [Фрезер, 2017: 227]. Этнографическая литература изобилует подобными примерами, где дух умершего мешает охоте, рыбной ловле, навлекает болезни и даже может лишить жизни.

Представления первобытных народов обосновываются анимистической концепцией, предложенной Тейлором. «Древний человек осмысливает с точки зрения анимистических представлений широкий круг явлений: смерть – это ситуация, когда душа навсегда покидает собственное тело, уходит из него; обморок – временный выход души из тела (когда душа возвращается, человек приходит в себя); сновидения - появление в теле человека чужой души», – отмечает В.М. Розин проф., д. ф. н., ведущий научный сотрудник Института философии Российской Академии наук [Розин, 1997]. Нежелание контактировать с трупом и его родственниками может объясняться еще и тем, что физическая смерть, воспринимаемая своеобразным переходом в иное качество существования, не вызвала особой радости у еще живущих. Любой контакт с покойником мог способствовать весьма неприятной трансформации, поэтому, чтобы обезопасить себя, необходимо избегать взаимодействия с неживым телом. Леви-Брюль отмечает, что в представлении диких народов любое событие объясняется воздействием сверхъестественных сил. Смерть не приходит сама по себе. Для этого должна быть внешняя причина. Если человек умирает без видимых на то предпосылок, то представитель того или иного племени воспринимает это событие результатом воздействия злых духов, колдунов или души умершего ранее человека [Леви-Брюль, 2002: 24]. Даже если покойный при жизни был прекрасным другом, семьянином и членом племени, после своей кончины он автоматически превращался в злобного, мстительного духа, использовавшего любую возможность утащить за собой кого-нибудь из живых. Леви-Брюль объясняет такое поведение поверьем, что умершие, как правило, «дурно настроены и готовы причинить зло тем, кто пережил их» [Леви-Брюль, 2002: 51]. Именно поэтому в первобытных племенах выстраивалась целая система табуирования и ритуалов, направленных на ограничения непосредственного контакта с покойником и его близкими родственниками.

Кстати, нужно отметить, что феномен некрофобии прослеживается в средневековой Европе (представления об упырях или вампирах и т.п. существах), также существуют мнения, что некоторые его пережитки дошли и до наших дней (заколачивание гроба гвоздями, тяжелые надгробные плиты т.д.)

Стоит обратить внимание, что боязнь и избегание покойника не единственная фобия, связанная со смертью. В более развитых цивилизациях, как, например, в Древней Греции, проблема страха перед смертью ставилась под другим углом зрения.

В древнегреческой мифологии посмертная судьба души была незавидной, так как ей было суждено отправиться в мрачное царство Аида, откуда еще никто не возвращался (за исключением некоторых героев).

Жизнелюбивые греки предпочитали не заострять внимания на столь мрачной теме, а в качестве противостояния страху смерти выработали позицию героизма, мужества, принятия неизбежного конца. Смертным противопоставлялись бессмертные боги. Несбыточная мечта представителя древнегреческой культуры – бессмертие. Единственная возможность приблизиться к этому идеалу – совершить подвиг, стать героем и тем самым остаться в памяти потомков. Память (мнема), присущая богам, выступала антиподом забвения, которое приравнивалось мраку и тлену. Поэтому единственный выход в решении проблемы преодоления страха смерти является возможность увековечить свое имя в истории.

С распространением и развитием философских школ формируются новые, альтернативные представления о посмертном существовании и отношении к смерти. Так, например, широкое распространение получила идея метемпсихоза, берущая свое начало в Элевсинских мистериях. Это учение о перевоплощении души в дальнейшем активно развивалось у орфиков, пифагорейцев, Эмпедокла, Платона. Здесь уже посмертное существование не столь фатально и в большей степени зависит от образа жизни и действий, совершаемых человеком при жизни. Так, например, в учении Платона философия снимает проблему страха смерти. Через Сократа он возглашает: «...истинные философы много думают о смерти, и никто на свете не боится ее меньше, чем эти люди» [Платон, 2007: 366]. Платоновское отношение к смерти базируется на учении о разделении всего сущего на подлинное и неподлинное бытие. Душа принадлежит подлинному миру идей, а тело иллюзорному миру вещей. Тело является темницей души и таким образом мешает ей постигать истину. Вкладывая свои идеи в уста любимого учителя, Сократа, Платон говорит: «Тело наполняет нас желаниями, страстями, страхами и такой массой всевозможных вздорных призраков, что, верьте слову, из-за него нам и в самом деле совсем невозможно о чем бы то ни было поразмыслить!». Более того, - продолжает Платон, – «даже если нам удастся освободиться от заботы о теле, чтобы обратиться к исследованию и размышлению, тело и тут всюду нас путает, сбивает с толку, приводит в замешательство, в смятение, так что из-за него мы оказываемся не в силах разглядеть истину» [Платон, 2007: 358]. Мы видим, что в учении Платона смерть понимается как освобождение из темницы тела и возможность постичь Истину. Вся жизнь философа – это подготовка к главному переходу из иллюзорного мира вещей в подлинное бытие Идей. Сам поступок Сократа по итогам совершенного над ним суда явно свидетельствует об убежденности в том, что смерть есть благо для философа.

Противоположной была позиция древнегреческих материалистов, отрицающих дальнейшее существование души после смерти (Демокрит, Эпикур, киники). Страх перед уходом из жизни здесь преодолевался посредством разума и логических выводов. Об этом свидетельствует знаменитая сентенция Эпикура: когда мы есть, то смерти еще нет, а когда она наступает, то нас уже нет. Смерть — это отсутствие каких-либо ощущений, а, по Эпикуру, именно в них заключается все хорошее и плохое. Человек

испытывает страдание не от самой смерти, а от ее ожидания, но стоит ли напрасно страдать, если смерть – ничто для человека. Таким образом, делается вывод, что страх перед смертью глуп и бессмысленен.

С приходом христианства наступает новая эра в восприятии и понимании смерти. Сердцевиной христианского вероучения является искупительная смерть Иисуса Христа и Его Воскресение, что дает надежду на спасение и жизнь вечную. В настоящее время бытует стереотип, что якобы христианская вера, как, впрочем, и большинство других религий, является «удобным» мировоззрением в преодолении страха смерти. Действительно, многие религиозные системы предоставляют многообещающие перспективы в посмертном существовании. Однако учение о вечной жизни в христианстве касается и посмертного наказания, бесконечная продолжительность которого пугает не менее, чем перспектива абсолютного небытия. Особенно красочно тема адских мучений иллюстрируется в эпоху Средневековья. С. Мохов пишет: «Каждый средневековый храм украшала красочная роспись, известная как “Пляска смерти” или “Трое мертвых и трое живых”». Также, – продолжает Мохов, – «Храмы украшали мозаики, изображающие Страшный суд и адские муки, с растерзанными человеческими телами, подвергающиеся ужасным пыткам» [Мохов, 2020: 23]. Несмотря на заверения Ф. Арьеса, что смерть была «прирученной», подобные картины не могли не внушать трепета и ужаса перед неизбежной кончиной. Мы также склонны полагать, что появившееся в католицизме между XII и XIII вв. учение о чистилище не сильно воодушевляло на переход в вечность. В православном вероучении мы находим не менее пугающие сцены загробной жизни. Примером тому являются учения о мытарствах. Наиболее известным литературным памятником, в котором описываются мытарства, считается «Житие преподобного Василия Нового», датированное X веком. На Руси это произведение пользовалось особой популярностью, в том числе входящее в Житие повествование о мытарствах Феодоры. Вопросы, связанные с подлинностью этих текстов и догматическими ошибками, которые обнаруживают в них богословы, мы выносим за рамки данного исследования, так как нам здесь интересен эффект, оказываемый подобной литературой на психическое состояние верующего (можно предположить, что подобные произведения были аналогом современных фильмов ужаса).

Протоиерей Александр Шмеман, рассматривая проблему отношения к смерти в христианстве, считает, что подобные представления об *ужасах* посмертных мучений изначально не были свойственны этому учению. Трансформация понимания и восприятия смерти, которую мы наблюдаем в современном христианстве, начиная со Средних веков, является индикатором утраты изначального смысла, который заключало в себе это вероучение. Шмеман считает, что с приходом христианства в отношении человека к смерти произошла настоящая революция. В первобытных религиях центр, вокруг которого выстраивается система ритуалов, символика и культ – это смерть. Главной задачей религиозных практик было нейтрализовать негативное влияние мертвого на живое. С приходом христианства

центральное положение в вероучении занимает Бог, а смерть приобретает позитивное значение, так как она своего рода дверь в Царствие небесное: «...для верующего, чья жизнь – во Христе, смерть из врага может превратиться в друга» [Шмеман, 2014: 36]. Шмеман пишет: «Уже не смерть – и даже не смертное существование – стоит в центре христианской религии, а – Бог» [Шмеман, 2014: 21]. Для Древней Церкви после Воскресения Христа смерти больше нет, так как это событие есть победа над тленом (Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ!). Главная идея раннего христианства заключается именно в том, что таинство Крещения и таинство Евхаристии соединяют человека с Христом, и смерть отступала от него. Здесь действительно речь шла о полном преодолении страха смерти, и все размышления о посмертном существовании были уже не актуальны для новообращенного.

Однако со временем ситуация изменилась, и смерть вновь стала устрашающим элементом даже для христианина. Особенно остро проблема страха смерти обозначилась в современном мире. Несмотря на попытки элиминации смерти за пределы повседневной жизни, она настойчиво проникает в сознание современного человека и проявляется в качестве различных неврозов. Ирвин Ялом пишет: «У страха смерти длинные руки, часто его влияние остается скрытым. Тем не менее, он может сковывать жизнь человека, никак не проявляясь или выражаясь в симптомах, которые будто бы не имеют ничего общего с ощущением смерти» [Ялом, 2009]. Автор этих строк делает из своей врачебной практики вывод о том, что причиной многих психических патологий, наряду с подавлением сексуальности, является подавление осознания конечности своего существования.

Действительно, рассматривая отношение к смерти в современной культуре, мы часто сталкиваемся с утверждениями о ее замалчивании, игнорировании, неприличности и т.д. Возникает вопрос о причинах вытеснения смерти в отдельные сектора культуры, подальше от повседневных забот и житейской рутины.

В первую очередь, нужно обратить внимание на роль похоронной индустрии, трансформирующей традиционную обрядность процесса обращения с покойником, а вместе с тем и само отношение к смерти. Так, например, С. Соколова отмечает, что появление посредника в сфере ритуальных услуг освобождает родственников покойного от необходимости взаимодействия с мертвым телом. «Похоронные агентства предоставляют широкий спектр услуг, далеко не ограничивающийся непосредственно похоронами. Они осуществляют транспортировку тела в морг и на кладбище, обмывают и одевают покойного, продают и обивают гробы, продают венки, одежду для покойного, копают могилы, изготавливают и устанавливают памятники, в некоторых случаях оказывают посреднические услуги в организации отпевания, продают религиозную атрибутику, осуществляют помощь в оформлении свидетельства о смерти и других документов. В обязанности некоторых агентств входит поддержание порядка на кладбище. Впрочем, в разных агентствах спектр предоставляемых услуг может

отличаться» [Соколова, 2011]. Протоиерей А. Шмеман также видит влияние похоронной индустрии на восприятие и осмысление смерти, которая изгоняется на территории больниц и моргов. По словам Шмемана, работники ритуальных услуг «...очень вежливо и ненавязчиво делают все то, что в прошлом делала семья». Все это способствует легкому и безболезненному восприятию смерти настолько это возможно [Шмеман, 2014: 9]. Помимо этого религия, которая напрямую была связана с процессом подготовки тела к захоронению, стала играть второстепенную роль, заняв подчиненное положение. «Религиозная организация не участвует в приготовлении к погребению тела, которое тайно переносят в рабочую комнату похоронного бюро и привозят в церковь как уже “готовый продукт”, олицетворяющий наш асептический, гигиенический, “приличный” образ жизни и смерти», – пишет А.Шмеман [Шмеман, 2014: 10].

Конечно, ошибочно считать, что причины наблюдаемых изменений кроются только в расширении влияния ритуальных услуг на интересующие нас сегменты культуры. Как известно, спрос рождает предложение, и, следовательно, причина изменившихся настроений лежит намного глубже, чем мы предполагаем. С другой стороны, мы видим, что избавление индивида от хлопот в подготовке к погребению действительно способствует минимизации соприкосновения с темой смерти, которая и вызывает чувство страха. Если в средневековой Европе лейтмотивом было «memento mori», то в настоящее время предпочитают забвение. Лозунг сегодняшнего дня: «Не думай о смерти!». Это бегство и игнорирование столь мрачной темы – своего рода механизм защиты от той тяжести размышлений, на которую современный индивид просто не способен. Изнеженная психика современного человека не может выдержать экзистенциальных вопросов, купирова их или замещая бутафорскими смыслами нашей повседневности.

В традиционных культурах умирающий и его окружение имели представления о том, «что будет после», а также «руководство» или «инструкцию» в действиях, относящихся к процессу умирания, погребения и поминовения. Все было наполнено смыслами и определенным отношением к жизни и смерти. Сейчас в век высоких технологий, несмотря на развитие науки, в вопросах смерти отсутствует база представлений, позволяющая осознать их простому обывателю. Поэтому для него существует единственный выход – «не думать об этом», что совсем не решает проблемы. К сожалению, попытки проникнуть в тайны смерти не выходят за рамки кабинетов ученых, философов, медицинских лабораторий. И даже здесь, несмотря на богатое накопление материалов, вопросы смерти недостаточно изучены и систематизированы. Представление, понимание, переживание смерти зависит от различных составляющих специфику традиции того или иного народа. Поэтому феномен смерти, открывающий для исследователя широкий горизонт в постановке вопросов, требует междисциплинарного подхода в их решении и кропотливого труда в работе с обширным материалом.

Список литературы:

- Леви-Брюль, 2002 – *Леви-Брюль Л.* Первобытный менталитет. СПб.: «Европейский Дом», 2002. 400 с.
- Мечников, 1961 – *Мечников И.И.* Этюды о природе человека. М.: Академия наук СССР, 1961. - 289с.
- Мохов, 2020 – *Мохов С.* Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия. М.: Common place, 2020. 328 с.
- Платон, 2007 – *Платон.* Избранные диалоги. Федон. М.: Эксмо, 2007. 768 с.
- Розин, 1997 – *Розин В.М.* Смерть как феномен философского осмысления (культурно-антропологический и эзотерический аспекты) [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/963/925/1217/015Rozin1.pdf> (дата обращения: 14.04.2021)
- Соколова, 2011 – *Соколова А.Д.* Похороны без покойника: трансформации традиционного похоронного обряда. Антропологический форум. 2011. №15. [Электронный ресурс]. URL: https://anthropologie.kunstkamera.ru/06/2011_15 (дата обращения: 10.04.2021)
- Токарев, 1990 – *Токарев С.А.* Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 622 с.
- Фрезер, 2017 – *Фрезер Дж.Дж.* Золотая ветвь. Исследования магии и религии. М.: Академический проект, 2017. 799с.
- Фрейд , 2016 – *Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия // [Электронный ресурс]. URL: https://librebook.me/beyond_the_pleasure_principle (дата обращения: 17.03.2021)
- Шмеман, 2014 – *Шмеман А.* Победа над смертью (сборник статей) / сост. Тюмень: Русская неделя, 2014. 140 с.
- Ялом, 2009 – *Ялом И.* Вглядываясь в солнце. Жизнь без страха смерти. М.: Эксмо, 2009. 352 с.

References

- Levi-Bryul', 2002 - Lyus'en Levi-Bryul'. P e r v o by t n y j mentalitet. SPb.: «Evropejskij Dom», 2002. 400 s.
- Mechnikov, 1961 - Mechnikov I.I. Etyudy o prirode cheloveka. M.: Akademiya nauk SSSR, 1961. 289s.
- Mohov, 2020 - Mohov, S. Rozhdenie i smert' pohoronnoj industrii: ot srednevekovykh pogostov do cifrovogo bessmertiya. M.: Common place, 2020. 328 s.
- Platon, 2007 - Platon Izbrannye dialogi. Fedon. M.: Eksmo, 2007. 768 s.
- Rozin, 1997 - Rozin V.M. Smert' kak fenomen filosofskogo osmysleniya (kul'turno-antropologicheskij i ezotericheskij aspekty) [Elektronnyj resurs]. URL:

<http://ecsocman.hse.ru/data/963/925/1217/015Rozin1.pdf> (data obrashcheniya: 14.04.2021)

Sokolova, 2011 - Sokolova A.D. Pohorony bez pokojnika: transformacii tradicionnogo pohoronnogo obryada. Antropologicheskij forum. 2011. №15. [Elektronnyj resurs]. URL: https://anthropologie.kunstkamera.ru/06/2011_15 (data obrashcheniya: 10.04.2021)

Tokarev, 1990 - Tokarev S.A. Rannie formy religii. M.: Politizdat, 1990. 622 s.

Frezer, 2017 - Frezer Dzh.Dzh. Zolotaya vetv'. Issledovaniya magii i religii. M.: Akademicheskij proekt, 2017. 799s.

Frejd , 2016 – Frejd Z. Po tu storonu principa udovol'stviya // [Elektronnyj resurs]. URL:https://librebook.me/beyond_the_pleasure_principle (data obrashcheniya: 17.03.2021)

Shmeman, 2014 - Shmeman. A. Pobeda nad smert'yu (sbornik statej). Tyumen': Russkaya nedelya, 2014. 140 s.

Yalom, 2009 - Yalom I. Vglyadyvayas' v solnce. Zhizn' bez straha smerti. M.: Eksmo, 2009. 352 s.